

Сергей Прокофьевич Пылёв – прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР (ныне – России). Редактор отдела прозы литературного журнала «Подъём» (Воронеж); ряда печатных изданий (газет и журналов). В Москве и Воронеже им издано более 10 книг рассказов, повестей и романов, широко публикуется в центральных и региональных литературно-художественных журналах. Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

РАДОСТНОЕ ДЫХАНИЕ ТАЛАНТА

О рассказах Сергея Собакина

Сергей Анатольевич Собакин (псевдонимы Серёжа Собакевич, Серджио Собатини) уверенно занимает своё место среди нынешних молодых литераторов, напряжённо стремящихся к обретению новых форм сюжетосложения и стиля. Особенно это чувствуется в нынешней молодой поэзии, переиспытывающей от поисков необычности, раскованности, смысла бессмысленности.

Прозу молодых такое поветрие ещё не вполне захлестнуло, но процесс, как говорится, пошёл. В области искривления языкового и сюжетного пространства. Однако Сергей Анатольевич, тоже будучи автором молодым, тем не менее во всей этой борьбе за звание самого главного отрицателя основ стоит в достаточной степени особняком. Для него не характерно низвержение авторитетов, хотя он и не принадлежит к тем авторам, кои бдительно соблюдают заветы литературных отцов.

Основанием такой его особой позиции служит то, что Сергей Анатольевич счастливо обрёл свою собственную тему и свой собственный угол зрения. Герои и темы у него абсолютно свои. Прямо говоря, с такими темами, то есть с таким видением особой зоны нашего бытия, в литературу ещё никто не приходил в этом веке.

Думается, не обошлось в его формировании без наследного влияния Салтыкова-Щедрина и Зощенко. Чехов, уверен, к нему присматривается. Достоевский прищурился с заинтересованностью в сторону нашего Сергея Анатольевича. Не знаю, насколько они сами довольны такому соучастию в его литературной судьбе и насколько он сам осознаёт, кому обязан своей оригинальной направленностью, однако более результативно будет такой вывод учитывать, чем с порога отвергнуть.

Я поначалу принял Сергея Анатольевича за одного из авторов новой православной волны. Но чем более читал его произведения, тем очевидней мне становилось, что он внутренне тяготеет к жанру абсурдной сатиры. Только этот жанр под его пером приобретает достаточно непривычные черты. У Сергея Анатольевича наглядно сформировалась собственная литературная позиция: образно говоря, офорты Гойи являются их духовной подпиткой. Обыкновенно сатира даже в лучших щедринских и зощенковских традициях, вольно или невольно, унижает человека, выставляя перед ним искривлённые зеркала. Но у Сергея Анатольевича сюжет не ломает личность, а, напротив, наглядно испытывает её дух на значимость, на право с пользой присутствовать в этом мире.

Каков высший смысл таких напряжённых испытаний для героев Сергея Анатольевича? Ответ прост: дать читателю увидеть глубинные и мощные пласты возможностей даже самого маленького и самого, казалось бы, «запущенного» человечка. Порой уже загнанного в угол, чуть ли не замурованного в некую незримую, но несокрушимую стену. Однако так или иначе обретающего в итоге свой, пусть маленький, Олимп. Или Преисподнюю.

Итак, отрывок из рассказа Сергея Анатольевича «Тревожные люди» с весьма характерным для его стиля эпиграфом:

«В 1926 году к известному психиатру пришёл изнурённый до дистрофии пациент, судя по манерам – “из бывших”, с жалобой на беспричинную тоску и апатию, из-за которых он совсем не может есть и спать. Осмотрев его, врач посоветовал ему читать юмористические рассказы: “Лучше всего, батенька, возьмите томик Зоценко. Может быть, вам покажется простовато, этак по-пролетарски. Но смешно! Этот Зоценко – большой весельчак”. – “Доктор, – грустно вздохнул ипохондрик. – Я и есть Зоценко”».

А теперь дадим слово вышеназванному рассказу Сергея Анатольевича:

«Дело в том, что Антон Павлович стал первым человеком, у которого обнаружили частицы золота в... кишках. Точнее сказать – в аппендиксе».

Сагира? Абстракция? Нет, это квинтэссенция сути жизни 98 процентов землян. Итак, нашего Анто-на Павловича, как и следовало ожидать, перевели в закрытую экспериментальную клинику. «В итоге на консилиуме неравнодушных учёных и медиков, – пишет автор, – они заключили (у каждого из присутствовавших, естественно, был свой мотив), что нужно, дескать, срочно избавить мученика от его золотой ноши и, разумеется, провести неотложную полостную операцию, дабы извлечь из кишок страждущего предмет его страданий, – целый килограмм чистейшего драгметалла. На что, ясное дело, Антон Павлович ответил категорическим отказом».

Каков же итог?

«...пациент разродился тремя килограммами драгметалла и стал самым известным и богатым человеком в мире, который побил все мыслимые и немыслимые рекорды, ибо собрал всевозможные награды и премии (и всё это без учёта вознаграждения от государства; гонораров за различные интервью и передачи прав для постановок и экранизаций своей биографии); а также удостоился звания самого выдающегося представителя человечества, который останется в летописи как “Золотой человек”».

Далее рассказчик говорит, что вслед его герою появилось очень много лжеипохондриков, которые хотели во что бы то ни стало также прославиться на весь мир и также неслыханно разбогатеть. «И даже появился такой психиатрический термин, как “синдром золотого человека”, при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши: “исследовали” истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека... Но это уже совершенно другая история, дорогие читатели... О которой, возможно, будет совсем иной рассказ».

На фоне этого рассказа вернёмся к Зоценко. Наследование духовное этому автору прослеживается только в «Тревожных людях» Сергея Анатольевича? Не только. Но явного ученичества мы не увидим. Человек нынче другой пошёл... Как-никак столетие промчалось над нами. Не зря век назад Зоценко говорил о себе так: «Я пишу на том языке, на котором... говорит и думает улица». Только сейчас улица не говорит и не думает. Она играет, забавляется, купается в картинках смартфоновских... В связи с этим Сергеем Анатольевичем, первично торящем свою литературную стезю, с опорой на классиков, но тем не менее вполне самостоятельно создан свой особый стилистический и сюжетный мир. В котором пребывают (но не живут) герои, кои показывают нам истинное лицо современного человека, как бы он ни прятался за своими мечтами относительно забав и лёгких денег.

Истинный человек остаётся человеком и одновременно дорастает до небес, когда он открывает в себе НЕВЕДОМОЕ и значимое. Герои Сергея Анатольевича взяты из той жизни нынешней, в которой люди живут неизвестно зачем, но только чтобы не созидать, не мечтать, не веровать в Господа.

Теперь, как говорится, во всеоружии обратимся к рассказу Сергея Анатольевича «Случай».

В психиатрической больнице происходит переворот. Бывший больной занимает место главного врача.

Если читателя спровоцирует желание расценить такой сюжет как забавную миниатюрку, хохмочку, то он глубоко ошибётся. За всем этим бездна смыслов и противоречий нашего сегодняшнего дня, но, более всего, путь, указующий на будущее нашего сошедшего с ума человечества. Кто возглавит наше дерзкое шествие в 22-й век? Не такие ли Святославы Рувимовичи?..

Напоследок предлагаю вам заценить рассказ Сергея Анатольевича с весьма скромным, просто-душным и вполне милым названием «Алёшка».

Начинается он в добрых традициях русской классической прозы:

«Светало. Будильник прозвенел ровно в отведённое время. На циферблате было пять часов утра. Отец Илия, слегка приоткрыв глаза, смотрел на белёный потолок и думал о несправедливости бытия...»

Далее, когда батюшка заканчивал «свою заунывную и малосодержательную речь пастыря...» двери храма распахнулись настежь, и с паперти донёлся истошный крик местного юродивого, дурачка Алёшки:

– Вас ждёт знамение! Будьте бдительны и готовы! Грядут перемены, покайтесь!

Народ в ужасе заохал и стал жаться ближе к алтарю. Отец Илия, не медля ни секунды, спрыгнул с амвона и быстрым шагом направился к выходу...

– А ну-ка, пшёл отсюда, дуралей безмозглый!..

...После этих слов разъярённый батюшка что есть мочи пнул юродивого. Тот, хватаясь за края рясы священника... кубарем покатился с лестницы.

С того самого дня никто больше не видел блаженного дурачка Алёшку, чему отец Илия был несказанно рад...»

Каков же итог сего рассказа, казалось бы, заряженного простодушной поучительностью и добрыми наставлениями во имя любви к ближнему? С батюшкой во сне начинаются всевозможные и вовсе невозможные духовные испытания, само собой, через нестерпимые мистические мучения.

Наконец объявляется очередное утро.

«Светало. Первые лучи солнца озарили крышу на избе отца-настоятеля... “Стоп! – подумал священник. – А где же сейчас Алёшка? Надо немедля разыскать его!”

Он выбежал из дома и отправился напрямик в храм. Домчавшись до церковной ограды, завидел сидящего на паперти Алёшку и что есть мочи закричал:

– Лёшка! Родненький, прости! Молю тебя!

Батюшка бросился к юродивому, обнял его и стал целовать, а потом ещё целый час просил у местного дурачка прощения.

...Увидев это, народ дивился и приговаривал:

– Эвона как бывает! Батюшка-то наш... совсем того, видать! Из ума выжил! Вчера дурачка пинал почём зря, а сегодня, смотри, что делается: руки и ноги ему целует! Похоже, у нас на селе теперь два блаженных будет!»

Поставить здесь точку – значит написать лубочный рассказ на тему спасительного милосердия.

Да только морализаторство и прочие откровенные поучения во имя добра и всеобщего всемирного счастья-радости далеки от прозорливого видения мира Сергеем Анатольевичем.

И тут-то он и являет нам главную свою писательскую и человеческую правду о том, что есть на самом деле этот мир и как нам в нём себя не утратить, не раствориться в нём бесследно.

«Не обращая внимания на зевак, отец Илия помог юродивому подняться и направился вместе с ним в баню, а потом и в трапезную, а после, ближе к вечеру, и вовсе повёл местного дурачка к себе домой. Так и стал блаженный сначала жить у отца Илии, а потом и в алтаре прислуживать. *Вскоре Алёшка прослыл не просто дурачком и юродивым, но и провидцем-целителем, который мог предсказывать события и врачевать разнообразные душевные и телесные недуги. Узнав о святом человеке, многие страждущие и нуждающиеся из соседних селений, а впоследствии и за пределами оных, возжелали узреть чудотворца своими глазами и поспешили обратиться за помощью. Деревушка и маленький сельский храм в мгновение прославились, и у отца Илии более не было повода для уныния и печали, ибо Господь позаботился о чаде Своём, и отныне пребывал в сердце священника во все времена...»*

Обретение высшего смысла бытия человеком «маленьким, забытым, искорёженным» есть главная задача и боль автора. И более всего Сергея Анатольевича волнует, как идут они к нему, этому счастью, эти люди простые, измученные нелёгкими обстоятельствами своего загнанного в тупик существования. Тем самым Сергей Анатольевич даёт возможность понять себя как автора, понять его литературных героев, само собой, вовсе не героями являющихся, а первыми страдальцами во имя высшего всечеловеческого счастья всех и вся, включая своих читателей.

Вот такие прорисовываются источники и составные части прозы Сергея Анатольевича. Талантом скреплённые. Что и есть самое главное в любом виде искусства. В том числе литература, как бы её ни кромсали по живому нынешние патолого-модернисты. А там, где он, талант, есть, всегда радостно дышится...